Ч 282/1178

2007055494

О ПОЭТИЧЕСКОЙ

И ФИЛОСОФСКОЙ СТОРОНѢ

Аѳинской образованности.

О ПОЭТИЧЕСКОЙ

И ФИЛОСОФСКОЙ СТОРОНЕ

Опытъ объясненія.

И 292/1178

О ПОЭТИЧЕСКОЙ

И ФИЛОСОФСКОЙ СТОРОНѢ

АѲИНСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ.

РѢЧЬ

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
Д-435

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ФИЛОСОФІИ

Михаила Куторги.

ЧИТАННАЯ 25 МАРТА 1843 ГОДА, НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ГОДИЧНОМЪ АКТѢ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

К. М. Боголюбскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1843.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, 15 Марта 1843 года.

Секретарь Совѣта Коллежскій Ассесоръ

Иванъ Рѣзниковъ.

Ф. № 18665-45

О ПОЭТИЧЕСКОЙ

И ФИЛОСОФСКОЙ СТОРОНѢ

АѲИНСКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ.

Милостивые Государи!

П. И. Богоявленскаго,

Между всѣми государствами древняго міра нѣтъ ни одного, которое, даже и въ новѣйшее время, возбуждало бы столько удивленія и производило столько симпатіи, какъ Греція. Въ теченіе двухъ тысячелѣтій она обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ людей образованныхъ и невольно заставляетъ уважать и любить себя. Въ древности она была средоточіемъ всего нравственнаго движенія, представительницею просвѣщенія, мѣстомъ перваго появленія и самаго высшаго процвѣтанія искуствъ, наукъ и литтературы. Находясь въ центрѣ древняго историческаго міра, между Азіею,

Египтомъ и Италіею, Греція принимала первоначальные элементы съ Запада и Востока, но потомъ ихъ преобразовывала, придавала имъ новую форму и глубокое значеніе и въ этомъ прекрасномъ видѣ разсылала ихъ опять во всѣ страны. Такое географическое положеніе, соединенное съ необыкновеннымъ творческимъ духомъ народа, было причиною, что Греція не только заняла первое мѣсто въ древнемъ мірѣ, но наложила на всю древнюю образованность печать своего бытія и геніальности и направила на путь, который уже никогда не былъ оставляемъ. Все что существовало впослѣдствіи въ Римѣ и Александріи, было или вполнѣ греческимъ, или самымъ буквальнымъ подражаніемъ его.

Есть великіе народы, являющіеся въ исторіи точно такъ, какъ великіе люди. Судьба ихъ совершенно одинакова; они предназначены для господства: одинъ въ отдѣльномъ народѣ, другой въ цѣломъ ряду поколѣній; каждый останавливаетъ на себѣ взоры исторіи. Было много народовъ, показывавшихся какъ метеоры, которые блеснутъ и погаснутъ; народъ великій подобенъ солнцу, озаряющему все своимъ сіяніемъ; если оно и заходитъ, то только для того, чтобы опять

явиться въ новомъ блескѣ. На его челѣ начертано величіе и дѣла его безсмертны.

Таковы были древніе Греки, занимающіе одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду великихъ народовъ. Греческая образованность достигла до высокой степени развитія во время политической независимости, и распространилась по Сициліи, Этруріи, южной Италіи и наконецъ, чрезъ завоеванія Александра Македонскаго, и по всему Востоку. Эта независимость однако мало по малу падала и совершенно уничтожена была Римлянами. Казалось, все погибло для Греціи; часъ кончины ударилъ — и грубый Мумій, разворивъ и опустошивъ страну, похитилъ неоцѣнимыя сокровища искуствъ, гордость и украшеніе Эллады. Но мысль безсмертна, величіе не погибаетъ, и Греція, подобно фениксу, воскресающему изъ пепла, опять явилась въ прежнемъ блескѣ и великолѣпіи. Потерявъ политическую независимость, она пріобрѣла господство нравственное, и притомъ такое сильное и прочное, что она совершенно преобразовала Римлянъ и покорила своихъ побѣдителей.

Тогда представилось удивительное, дотолѣ неслыханное явленіе. Римляне, завоевавшіе весь свѣтъ, уничтожившіе самостоятельность всѣхъ на-

родовъ, распространившіе повсюду свои законы и учрежденія, эти самые Римляне были завоеваны греческою образованностію. Можно сказать по справедливости, что Римляне, уничтоживъ политическую національность другихъ народовъ, потеряли свою собственную нравственную національность и переродились въ Грековъ. Все ихъ умственное существованіе заимствовано было у послѣднихъ. Литтература, искуства и науки были только подражаніемъ; даже въ хорошемъ обществѣ говорили только по гречески, и молодые люди считали свое воспитаніе неконченнымъ, если не были въ Аѳинахъ. Всѣ старались сдѣлаться Греками. Господство греческой образованности было наконецъ такъ велико, что Римляне оставили свою собственную религію, забыли своихъ родныхъ боговъ и стали поклоняться богамъ греческимъ.

Древнее языческое общество пало; міръ преобразованъ крестомъ; Греція и Римъ сошли съ поприща исторіи и, какъ казалось, для того, чтобы болѣе не возвращаться. Германскіе народы поселились въ различныхъ провинціяхъ западной римской имперіи, основали особенныя государства и дали образованности совершенно новое,

дотолѣ невѣдомое направленіе. Съ ними появилась новая литтература, новый образъ жизни, новыя понятія, и даже самыя искуства. Кому неизвѣстны величественные готическіе соборы, зубчатыя башни и градскія думы, выражающіе весь феодализмъ и заступившіе древніе портики, пропилеи и парѳеноны? Кто не слышалъ о поэзіи трубадуровъ и труверовъ, воспѣвавшихъ рыцарскіе подвиги, турниры и любовь, подобно тому, какъ нѣкогда греческіе лирики прославляли своихъ героевъ? Кто не приходилъ въ восторгъ, читая въ юности о закованныхъ въ желѣзо рыцаряхъ, сражавшихся на турнирахъ за красоту женщины? Кто въ дѣтствѣ не радовался, узнавъ, какъ латы заняли мѣсто тоги и турниры олимпійскихъ игръ? Европа совершенно измѣнилась; Греція забыта; и западные народы утвердили по видимому свою духовную независимость и самостоятельность.

Произошло однако противное; древняя образованность опять воскресла въ XV столѣтіи.

Время предшествовавшее реформаціи въ западной Европѣ, представляетъ во второй разъ то удивительное, едва понятное явленіе, которое мы уже видѣли у Римлянъ. Народъ, политически умершій болѣе тысячи лѣтъ, забытый и оставленный въ

теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, возстаетъ опять изъ могилы и пріобрѣтаетъ такую нравственную силу, что онъ измѣняетъ направленіе образованности, уничтожаетъ феодализмъ, разрушаетъ готическую архитектуру, предаетъ забвенію всю литературу и все ученіе среднихъ вѣковъ, и опять вводитъ греческихъ поэтовъ, ораторовъ, философовъ и художниковъ, даетъ имъ полное право гражданства и образуетъ новую эпоху, называемую эпохою возрожденія, renaissance. Вотъ, милостивые государи, величіе мысли! Вотъ доказательство безсмертія истинной образованности! Если еще кто сомнѣвается въ этой истинѣ, пусть посмотритъ какъ Колумбъ, напитанный чтеніемъ древнихъ географовъ, открылъ новый міръ и тѣмъ измѣнилъ видъ стараго; какъ Рафаэль, восторженный разсматриваніемъ древнихъ греческихъ статуй, перенесъ на полотно эти восхитительныя созданія и основалъ новѣйшую живопись; какъ художникъ-строитель храма Петра и Павла соединилъ христіанскій крестъ съ греческими портиками и пантеономъ, и основалъ новѣйшую архитектуру. Вся наша образованность, ничто другое, какъ подражаніе греческой, оживленное только христіанствомъ. Вотъ права древнихъ Грековъ

па безсмертіе, вотъ ихъ слава и величіе! Имѣя предъ глазами такіе факты, неужели кто нибудь будетъ сомнѣваться въ мысли, что науки и искуства не умираютъ?

Мы сказали, что Грецiя была страною, въ которой образованность древняго міра не только достигла высшей степени развитія, но и получила то направленіе, которое она не переставала удерживать до самаго паденія западной римской имперіи. Эллины были, по всей справедливости, представителями древности. Но они сами, раздѣленные на множество мелкихъ, независимыхъ государствъ, нашли представителя, который былъ ихъ олицетвореніемъ. Какъ между всѣми прекрасными созданіями греческаго искуства Аполлонъ и Минерва самыя поэтическія, точно такъ и городъ Минервы и Аполлона, Аѳины, самый образованный между всѣми греческими государствами. Онъ былъ выраженіемъ всей Эллады.

Перенесемся на одно мгновеніе въ этотъ великолѣпный городъ. Передъ нами возвышается Акрополь, бывшій нѣкогда крѣпостію (теперь священное мѣсто). Къ нему ведетъ мраморная лѣстница, оканчивающаяся пропилеями. Въ самомъ Акрополѣ храмъ богини Минервы Парѳенонъ, и

палѣво отъ него Эрехтей. Между пропилеями и парѳенономъ статуя Минервы Фидія. На верху лѣстницы предъ вратами два бронзовыхъ коня, вылитые Строгиліемъ, а нѣсколько ниже на право храмъ богини побѣды неокрилепной, о которомъ мы можемъ сказать съ особеннымъ удовольствіемъ, что честь перваго точнаго описанія принадлежитъ одному рускому художнику. Самъ городъ украшенъ портиками, храмами, гермами, театромъ, одѳономъ и т. д. Ихъ остатки, хотя и въ развалинахъ, существуютъ и теперь какъ бы для прославленія Аѳинъ. Этотъ городъ былъ нѣкогда столицею всей Греціи, мѣстомъ образованности, средоточіемъ наукъ, искуствъ и литературы. Все, что въ Греціи было славнаго и великаго, что отличалось умомъ и просвѣщеніемъ, богатствомъ и роскошью, все стекалось въ этомъ городѣ. Въ немъ сосредоточивались хорошій тонъ, любезность, острота, даже самыя моды и легкомысліе. Онъ былъ центромъ общественнаго мнѣнія и оракуломъ всей Греціи. Тамъ выставляли художники свои картины и статуи, поэты драммы и комедіи; тамъ искали одобренія ученые и литераторы; тамъ пріобрѣтались имя, слава, честь. Дипломъ, даваемый Аѳинами, былъ

признаваемъ вездѣ безпрекословно. Аѳинянамъ завидовали, враждовали съ ними, на нихъ сердились и досадовали, а тѣмъ неменѣе всѣ стремились въ Аѳины, и въ празднества Діонисія и Ленейскія городъ наполненъ былъ несчетнымъ множествомъ иностранцевъ.

Разсматривая аѳинское государство, нельзя не удивляться тому богатству, можно сказать, той роскоши въ великихъ людяхъ, которые являлись одинъ за другимъ, безпрерывною цѣпью, какъ бы для прославленія своего отечества. Въ наукахъ и искуствахъ, литературѣ и философіи, однимъ словомъ, во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній, вездѣ возвышаются колоссы, на которыхъ мы смотримъ и теперь съ благоговѣніемъ. Удивленіе еще болѣе возрастаетъ при мысли, что такая слава принадлежитъ не обширному какому нибудь народу, а жителямъ одной маленькой и ничтожной области. Аѳиняне населяли страну гористую и совершенно безплодную, имѣвшую притомъ только 40 кв. миль въ окружности. Но эту землю, лучше сказать эти камни, они удобрили, оплодотворили, усѣяли масличными и кипарисовыми деревьями и превратили въ роскошный садъ. Ихъ городъ лежалъ далеко отъ моря,

единственнаго источника своего существованія; они отыскали для кораблей пристань, и притомъ одну изъ лучшихъ даже въ новѣйшее время, построили Пирей, провели такъ называемыя длинныя стѣны, и, къ величайшему удивленію всего древняго свѣта, сдѣлали Аѳины приморскимъ городомъ. И всѣ эти великія дѣла произведены самымъ малочисленнымъ народомъ, справедливѣе сказать, жителями одного города, а не народомъ; ибо, по самымъ вѣрнымъ изысканіямъ, все аѳинское народонаселеніе не доходило даже и до 90,000 гражданъ, считая въ семъ числѣ женщинъ, стариковъ и дѣтей.

Народная образованность состоитъ изъ двухъ частей: усовершенствованія гражданскаго и усовершенствованія умственнаго, развитія внѣшняго положенія человѣка и развитія его умственнаго состоянія, однимъ словомъ, успѣховъ ума и успѣховъ общества. Эти два направленія существуютъ всегда вмѣстѣ, онѣ идутъ рука объ руку, помогаютъ и поддерживаютъ одно другое и никогда не раздѣляются. Возмите какой угодно періодъ всеобщей исторіи, вы найдете эти двѣ части образованности неразлучными. Ничего и не можетъ быть естественнѣе. Если справедливо, что чело-

вѣкъ живетъ только для государства, что только въ немъ онъ можетъ достигнуть своего полнаго совершенства, то весьма справедливо также, что науки и искуства проходятъ въ своемъ развитіи тѣже самые періоды, какъ и государство; оба вмѣстѣ возвышаются и падаютъ, живутъ и умираютъ.

Аѳинская образованность представляетъ здѣсь явленіе, совершенно согласное съ образованностію всѣхъ другихъ народовъ. Пятый и четвертый вѣкъ были самыми цвѣтущими какъ въ гражданственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Эти два столѣтія однако имѣютъ совершенно различный характеръ. Нашествіе Персовъ и побѣды, одержанныя надъ ними Греками, пробудили въ послѣднихъ энтузіазмъ и энергію, которые и произвели столько чудесъ и геройскихъ подвиговъ. Никто однако, въ минуту опасности, не возвысился до такой степени самоотверженія, какъ Аѳиняне. Какъ Русскіе въ 1812 году, они оставили свой городъ, уничтожили свои собственныя жилища, жгли свое достояніе и спасли Грецію. Дѣятельность и храбрость сего народа, побѣды при Мараѳонѣ, Саламинѣ, Микалѣ и Эвримедонѣ, могущество ихъ флота и наконецъ геній двухъ великихъ государ-

ственныхъ мужей Ѳемистокла и Перикла, все это вмѣстѣ было причиною, что Аѳины, менѣе нежели въ 50 лѣтъ, сдѣлались первымъ городомъ Греціи, средоточіемъ образованности и торговли, и заслужили честь, что имя Аѳинъ употреблялось и употребляется для означенія самой высокой степени развитія искуствъ и литтературы.

Этотъ періодъ аѳинской исторіи можно назвать поэтическимъ. Юношескій народъ былъ въ восторгѣ, энтузіазмѣ; онъ много произвелъ славнаго и блистательнаго; но дѣйствовалъ по вдохновенію, какъ поэтъ-лирикъ, котораго восторженное сердце требуетъ пѣсни. Въ это время у Аѳинянъ все было поэтическимъ: ихъ сраженія, побѣды и самопожертвованія, и въ тоже время литтература и искуства.

Но точно такъ, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, за юношескою отвагою, слѣдуетъ зрѣлость мужескаго возраста; за энтузіазмомъ и вдохновеніемъ, размышленіе и углубленіе въ самаго себя, такъ и въ цѣломъ народѣ эпоха поэзіи смѣняется эпохою философіи. Человѣческій умъ, этотъ судья, предъ судъ котораго предстаютъ окончательно всѣ судьи, этотъ инквизиторъ, который рано или поздно потребуетъ отчета у всѣхъ инквизицій, эта мощ-

ная сила, которая ниспровергаетъ всякую силу, умъ проникаетъ все, даетъ всему направленіе и подчиняетъ себѣ все, что только существуетъ въ государствѣ. Отсюда и происходитъ, что образованность у всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ начиналась поэзіею и оканчивалась философіею. Такъ было и въ Аѳинахъ.

Сущность философскаго изученія слѣдующая:

Его предметъ умъ, разсужденіе, однимъ словомъ, духовная сторона человѣка. Философъ не довольствуется однимъ внѣшнимъ изображеніемъ предмета, онъ проникаетъ напротивъ въ его внутренность и открываетъ законы, имъ управляющіе. Такое духовное направленіе запечатлѣно на всѣхъ произведеніяхъ второй половины 5-го и всего 4-го столѣтія. За литературою Эсхила и Геродота, за такъ называемымъ вѣкомъ Перикла, послѣдовала литература менѣе восторженная и менѣе блистательная, но болѣе умная, живая и проницательная. Софоклъ, Эврипидъ и Аристофанъ были ея представителями. Философская иронія заступила мѣсто поэтической наивности и низвергала все прежнее. Умозрѣніе вытѣснило лирику, а критическое изслѣдованіе и анализъ, безусловное довольство прошедшаго вѣка. Новые писатели имѣли

за собою общее мнѣніе, а вмѣстѣ съ нимъ успѣхъ и славу. Они наполнили Грецію своими трагедіями, комедіями, умозрительными разсужденіями. Они выражали свои идеи во всѣхъ формахъ и распространяли ихъ повсюду. Этотъ вѣкъ не былъ вѣкомъ поэзіи, потому что поэзія есть выраженіе состоянія восторженнаго, недопускающаго ученаго разсмотрѣнія и критики; она гармоническій голосъ души, полной чувствъ и совершенно довольной; она символъ геройскихъ подвиговъ. Этотъ вѣкъ былъ вѣкомъ прозы, которая достигла у Грековъ столь высокаго достоинства. Великіе писатели этого времени дали литературѣ совершенно новое направленіе: они говорятъ о человѣкѣ и его природѣ; о его правахъ и значеніи; они представляютъ сцены нравственной жизни и углубляются въ созерцаніе самаго разума. Укажемъ на Ѳукидида и Ксенофонта, Исократа и Демосѳена, и наконецъ на Платона и Аристотеля, которыхъ самъ Цицеронъ называетъ великими.

Философское изученіе кромѣ того обобщаетъ познанія, оно нисходитъ къ сущности предмета, отыскиваетъ единство между частями и возводитъ ихъ къ одному цѣлому, къ общности. И въ этомъ отношеніи четвертый вѣкъ оказалъ важныя услуги.

До того времени, какъ частные люди, такъ и правительство обращали вниманіе на финансы, или, лучше сказать, на доходы и обогащеніе; но они поступали безъ правилъ, безъ системы, а только по опыту, можно сказать, по инстинкту. Въ четвертомъ столѣтіи въ первый разъ умъ началъ заниматься вопросомъ, что такое богатство, какъ оно увеличивается и умепьшается, и изъ какихъ составлено элементовъ. Оттуда необходимость новой науки: *ἡ οἰκονομική*, которая была предвѣстницею политической экономіи, и которою занимались между прочимъ Ксенофонтъ и Аристотель.

До того времени люди произвели много прекраснаго въ искуствахъ и поэзіи; они любили и чувствовали изящныя творенія, но не анализировали изящнаго. Четвертому вѣку принадлежитъ честь изобрѣтенія новыхъ наукъ піитики и риторики.

До того времени семейства заботились о воспитаніи и употребляли всѣ усилія, но никто не помышлялъ о приведеніи воспитанія въ систему и подъ положительныя правила. Четвертое столѣтіе открыло и здѣсь общіе законы и произвело еще новую науку, имѣющую предметомъ самую священную обязанность: мы разумѣемъ педагогію.

Итакъ въ образованности аѳинскаго народа мы находимъ два совершенно различныхъ періода: одинъ поэтическій, другой философскій. Обратимся теперь къ первому.

Народъ, выступающій на поприще исторіи съ чувствомъ юношеской силы, выражаетъ свое восторженное состояніе лирикою. Лирическая поэзія воспѣваетъ храбрость, отвагу, геройскіе подвиги; она отголосокъ общества, полнаго жизни, требующаго дѣятельности и ищущаго подвиговъ, не думая объ опасностяхъ, а только о славѣ. Таковъ былъ вѣкъ отъ Солона до нашествія Ксеркса. Къ нему относится начало величія Греціи, ему же принадлежатъ и всѣ знаменитые лирики: Стезихоръ, Алкей, Анакреонъ, Симонидъ и Пиндаръ.

За этою юношескою смѣлостію и отвагою послѣдовали подвиги имѣвшіе также много поэтическаго, но сопровождаемые разсужденіемъ. Они служили къ утвержденію независимости и славы Аѳинянъ. Эти подвиги—персидскія войны, обезсмертившія Аѳинянъ. Этотъ вѣкъ имѣетъ богатую поэтическую литтературу, но уже вмѣсто поэзіи восторга—лирики, мы встрѣчаемъ поэзію дѣйствія драмму. Аѳинская трагедія во многомъ отличается отъ новѣйшей: въ ней господствуетъ дѣйствіе,

между тѣмъ какъ послѣдняя основана на идеѣ. Новѣйшіе поэты изображаютъ въ драммѣ внутренняго человѣка, раскрываютъ его характеръ со всею психологическою тонкостію и заботятся о постоянномъ развитіи идеи. Однимъ словомъ, они обращаютъ вниманіе на его душу и сердце, а на внѣшніе поступки смотрятъ только какъ на ихъ отголосокъ. Отсюда и происходитъ то разнообразіе характеровъ, которое составляетъ достоинство новѣйшей драммы. Древніе напротивъ представляли въ своихъ трагедіяхъ только дѣйствіе, которое и было потому цѣлію поэта. Каждое дѣйствіе можетъ быть представлено: или въ отношеніи къ самому дѣйствующему лицу, или въ отношеніи къ зрителямъ, т. е. описаніе производимаго на другихъ впечатлѣнія. Эта вторая часть драмматическаго дѣйствія считалась до Эврипида самою главною, и она-то и была причиною учрежденія хора, въ которомъ олицетворялось участіе, принимаемое въ судьбѣ дѣйствующаго лица. Хоръ древней трагедіи былъ лирическимъ и не имѣлъ ничего драмматическаго. Итакъ главная сущность древней трагедіи состояла въ томъ, что она не была настоящею драммою, а только драмматическою лирикою.

Первая половина пятаго вѣка можетъ быть

названа трагическою: побѣды Аѳинянъ надъ Персами были великими драмматическими дѣйствіями, а Фриних и Эсхилъ вдохновенными поэтами. Разсматривая сихъ двухъ трагиковъ, нельзя не увидѣть явнаго усовершенствованія при переходѣ отъ одного къ другому. Къ сожалѣнію не осталось ни одной трагедіи Фриниха, но извѣстія древнихъ толкователей, и именно Главка, такъ точны, что, кажется, безошибочно можно судить объ нихъ. Эсхилъ и Фриних написали каждый между прочимъ трагедію Персы. Въ прологѣ драммы Фриниха выступаетъ на сцену эвнухъ и приноситъ Персамъ печальное извѣстіе о пораженіи Ксеркса. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ высказывается сущность и содержаніе трагедіи и объявляется о томъ, чего обыкновенно ожидаемъ только при самомъ концѣ. Чѣмъ же была трагедія Фриниха? Только лирикою, представленною въ лицахъ. Это былъ безконечный плачь, вопли и рыданія, но безъ всякаго дѣйствія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и знаменитая трагедія Фриниха, разрушеніе Милета, имѣла тотъ же самый характеръ. Другое извѣстіе о Фринихѣ еще болѣе подтверждаетъ сказанное. Древніе говорятъ, что въ его трагедіяхъ былъ на сценѣ только одинъ актеръ. Это

вовсе не значитъ, какъ полагаютъ многіе, что одно и тоже лице исполняло нѣсколько ролей; нѣтъ, актеровъ было много, каждый изъ нихъ имѣлъ свою собственную роль, но на сценѣ все дѣйствіе сосредоточивалось только на одномъ, такъ что не было ни какого движенія и никакого разговора. Другими словами, вовсе не было дѣйствія, а только лирика.

Сравнивая Персовъ Эсхила съ трагедіею Фриниха, нельзя не увидѣть глубокой перемѣны и усовершенствованія драмматическаго искуства. Эсхилъ не начинаетъ прологъ рѣшеніемъ или окончаніемъ; онъ представляетъ напротивъ неизвѣстность, сомнѣніе и даже опасеніе, что и придаетъ драммѣ съ самой первой сцены разнообразіе, движеніе и занимательность. Онъ основалъ настоящій драмматическій интересъ, состоящій въ послѣдовательномъ развитіи самаго событія. Естественнымъ слѣдствіемъ такой перемѣны было, съ одной стороны уменьшеніе хора, т. е. лирической части драммы, и съ другой большаго распространенія дѣйствія, т. е. собственной драмматики. Эсхилъ изобрѣлъ наконецъ втораго актера, т. е. онъ ввелъ на сцену разговоръ, противопоставилъ различныя лица самимъ себѣ, утвердилъ тѣмъ самымъ необходимость различія характеровъ и положеній,

далъ, однимъ словомъ, жизнь и душу прежней трагедіи, состоявшей изъ одного пѣнія и лирическаго расказа. Но честь усовершенствованія драматическаго искуства принадлежитъ однако Софоклу, который ввелъ на сцену третье дѣйствующее лице, или, какъ говорятъ древніе, изобрѣлъ третьяго актера.

Этотъ поэтическій вѣкъ произвелъ поэтическую исторію. Геройскіе подвиги Аѳинянъ нашли въ Геродотѣ достойнаго поэта-историка, хотя и не Аѳинянина по происхожденію. Древніе весьма справедливо сравнивали его съ Гомеромъ. И дѣйствительно, сочиненіе Геродота скорѣе можно назвать историческою эпопеею, нежели настоящею исторіею. Въ немъ все напоминаетъ иліаду: простота и непринужденность расказа, юношеское воодушевленіе и даже самая форма. Гомеръ и Геродотъ основываютъ оба свои сочиненія на одной главной мысли: одинъ на враждѣ между Ахиллесомъ и Агамемнономъ, другой на враждѣ между Азіею и Европою; но каждая изъ частей, у того и другаго, представляетъ совершенно отдѣльное событіе и составляетъ собственное цѣлое. Подобно тому, какъ каждая пѣснь иліады предназначена прославленію какого нибудь героя,

въ различныхъ книгахъ Геродота описываются различные народы. Египтяне и Персы, Скиѳы и Ливійцы проходятъ мимо читателя, какъ греческіе военачальники подъ Троею, и обрисованы съ тою наивностію, которая отличаетъ безсмертнаго творца иліады. Подражая Гомеру, Геродотъ назвалъ даже отдѣльныя части своей исторіи не книгами, а пѣснями, и посвятилъ ихъ Музамъ, самымъ поэтическимъ богинямъ древней Греціи.

Персидскія войны нашли такимъ образомъ въ Фриних̀ѣ трагическаго лирика, въ Эсхилѣ драматика, и наконецъ поэта-историка въ Геродотѣ. Всѣ доставили безсмертіе Аѳинянамъ. Впрочемъ этотъ народъ вполнѣ чувствовалъ услугу, оказанную ему Геродотомъ, и когда послѣдній читалъ о походѣ Ксеркса на панаѳенайскомъ праздникѣ, восторгъ Аѳинянъ не зналъ предѣла, рукоплесканія заглушали голосъ писателя, и народное собраніе, по предложенію Анита, наградило его десятью тысячами талантовъ.

Этотъ періодъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что искуство достигло высокой степени развитія. И здѣсь, какъ вездѣ, первое мѣсто принадлежитъ Аѳинянамъ. Искуство есть воплощеніе мысли, олицетвореніе идеи, представленіе духовнаго въ

человѣческомъ видѣ. Такое понятіе было чуждо жителямъ востока, и потому ни въ Индіи, ни въ Персіи, ни въ Египтѣ искуства нѣтъ; въ первый разъ оно является въ Греціи. Художественныя произведенія жителей востока имѣютъ видъ чудовищный, вовсе не человѣческій. Хотѣли ли они изобразить обширный умъ, они создавали какое-то существо, у котораго на одномъ тѣлѣ находились три, четыре и даже болѣе головъ. Хотѣли ли они выразить силу, они приставляли множество рукъ, или налагали на человѣческое туловище голову слона, быка, льва или другаго какого нибудь животнаго. Сравните греческія статуи съ статуями индѣйскими и египетскими; поставте рядомъ съ Геркулесомъ, Минервою и Аполлономъ, Сфинкса, Шиву или Браму, и вы тотчасъ увидите, какая глубокая пропасть раздѣляетъ Востокъ и Грецію. Тоже отсутствіе мысли усматривается и въ зданіяхъ. Египетскія пирамиды и подземные Эллорскіе храмы могутъ удивить своею огромностію и необъятностію, но никогда не произведутъ поэтическаго восторга, раждающагося при взглядѣ на прекрасное. Прекрасное явилось въ первый разъ въ Греціи, но въ тоже время и достигло совершенства. И если справедливо

что каждый народъ имѣетъ особенное, только ему свойственное, направленіе, то мы нисколько не ошибемся сказавъ, что Грецiя выражаетъ прекрасное. Это чувство такъ глубоко проникало всю жизнь Грековъ, что оно сдѣлалось условіемъ искуствъ, литтературы и даже самой нравственности. Энтузіазмъ, производимый красотою, и почести, ей отдаваемыя, доходили до обожанія. Такъ напр. для рѣшенія первенства въ красотѣ учреждены были игры, въ Спартѣ и Лесбосѣ для женщинъ, въ Мегарѣ и Элидѣ для мужчинъ. На этихъ играхъ участвовало самое лучшее греческое общество; избираемы были особенные судьи, которые давали приговоръ; герольдъ провозглашалъ побѣдителей и побѣдительницъ и старѣйшины увѣнчивали ихъ, какъ на олимпійскихъ играхъ, лавровыми вѣнками. Жители города Сегесты въ Сицилiи пошли въ своемъ энтузіазмѣ еще далѣе: они назвали богомъ кротонскаго гражданина, Филиппа, построили ему алтарь и приносили ему жертвы при его жизни, единственно за красоту его. Греки не довольствовались однако однимъ внѣшнимъ видомъ; они полагали, и кажется основательно, что прекрасное тѣло служитъ жилищемъ прекрасной души, а потому и идею прекраснаго никогда не

разлучали отъ идеи добраго, и выражали эти два понятія словомъ *καλοκἀγαθός*, *καλοκἀγαθία*, которое находится только въ одномъ греческомъ языкѣ.

Это стремленіе къ красотѣ вкоренилось у Грековъ такъ глубоко, такъ тѣсно слилось съ ихъ существованіемъ, что даже и законодатели должны были обратить на него свое вниманіе и издать постановленія, споспѣшествовавшія его развитію. Такъ у Ѳиванцевъ былъ законъ, по которому, подъ опасеніемъ весьма строгой пени, запрещалось художнику изображать безобразные и неприличные предметы. Все нравственное существованіе Грека возмущалось при одномъ взглядѣ на что нибудь безобразное; а потому и главная часть воспитанія дѣтей обращена была на гимнастическія упражненія, чтобы доставить тѣлу прекрасную форму. Изящное проникло всюду и изгнало изъ произведеній искуствъ все, что было ему противоположно. Обезображивающія человѣка страсти, насильственныя движенія и непріятныя лица были совершенно удалены изъ области искуства. Даже самыя Фуріи, не смотря на наводимый ими ужасъ, являются съ прекраснымъ, даже восхитительнымъ лицемъ. Боль, ужасъ, отчаяніе и тому подобныя чувства никогда не встрѣчаются

въ греческихъ статуяхъ въ непріятномъ видѣ; напротивъ они выражены всегда на такомъ прелестномъ лицѣ, что всякій невольно чувствуетъ состраданіе въ собственномъ сердцѣ. Посмотрите напр. на Ніобу. Все что сердце матери, въ глазахъ которой погибаютъ всѣ ея дѣти, все что это сердце можетъ вмѣстить въ себѣ печали, скорби и отчаянія, невыражено ли оно въ этой восхитительной статуѣ? Можно ли гдѣ нибудь найти болѣе ужаса и болѣе страданій? Могло ли сердце человѣка получить когда нибудь большій ударъ? Не видите ли вы въ этой головѣ того убійственнаго состоянія, когда наконецъ мысль остановилась и надежда невозвратно погибла? И между тѣмъ, какъ прелестна голова эта? При всѣхъ мученіяхъ нѣтъ ни одной черты, которая бы ее безобразила; все въ ней прекрасно и увлекательно, лучше сказать все увлекательно, потому что прекрасно.

Само прекрасное однако имѣетъ двѣ степени: оно бываетъ высокимъ, грандіознымъ, или прелестнымъ, граціознымъ. Фидій представитель перваго, Пракситель втораго. Первый, современникъ персидскихъ войнъ, создалъ красоту геройскую: онъ художникъ лирикъ. Граціозныя статуи

Праксителя обнаруживаютъ въ немъ художника философа.

Вотъ, милостивые государи, въ краткихъ очеркахъ, причины поставившія древнюю Грецію на такую высоту между всѣми народами міра; вотъ доказательство, что безсмертіе пріобрѣтается какъ отдѣльными людьми, такъ и цѣлыми націями, только великими дѣлами въ области мысли. *Тѣло умираетъ, но идеи живутъ вѣчно.* Греки завѣщали намъ всѣмъ эту великую истину.

2007055494